

На первыхъ порахъ трудно, понятно. Тутъ надо въ тѣсто положить столько дрожжей, а вы положите больше. Пирогѣ не удадутся—кислые или горькіе. Мужъ изъяснить неудовольствіе пойдетъ въ гостиницу, тамъ соблазнѣтъ, а жена дома плачетъ. Ну, вы постарайтесь. Пирогѣ съ кашей очень хорошо, или, напри-
мѣръ, съ сигомъ...

Схимникъ остановился и задумчиво вертѣлъ межъ пальцевъ какую-то крошку, какъ бы соображая, что еще сказать въ назиданіе молодой женщинѣ. Однако, больше ничего не придумавъ и махнувъ рукой мальчику. Тотъ исчезъ и черезъ минуту ввелъ мѣщанина въ синемъ кафтанѣ. Раиса и Жюли поднялись и подошли за благословеніемъ къ Евѣимію. Молодая женщина слышала, какъ по ея лицу ласково скользнула большая, пахнущая ладаномъ рука. И она не понимала, почему у нея такъ сильно бьется сердце и такъ тяжело, тяжело дышать.

Очутившись на свѣжемъ воздухѣ, Раиса взяла Жюли за руку и, склонивъ къ ней на плечо голову, нѣкоторое время стояла, перемогая волненіе.

— Что онъ вамъ сказалъ, Раиса? Что онъ вамъ говорилъ? Онъ, кажется, вамъ предсказывалъ?

Счастливыми и радостными глазами смотрѣла Жюли на Раису.

— Ма chère, онъ ничего не предсказалъ, но я не знаю, почему я такъ испугалась! Мнѣ, голубчикъ, дурно, поѣдемъ скорѣй домой.

Федоръ Игнатьичъ былъ уже дома, когда вернулась Раиса.

— Я ѣздила, cher Федя, — начала она, стараясь глядѣть мужу прямо въ глаза:—Федя, я ѣздила... ѣздила...

Вдругъ слезы подступили къ ея горлу, и она истерически разрыдалась.

XXXIV.

— Что съ тобою, Раекъ? — сказалъ Федоръ Игнатьичъ, бросаясь къ женѣ и обнимая ее.

— Ахъ, Федя, еслибъ ты зналъ... я нехорошая, нехорошая!

— Успокойся, дитя мое. Ты испугала меня, прошу тебя, успокойся!

Раиса рыдала, схвативъ себя за голову обѣими руками. Слезы ручьями текли изъ ея глазъ. Мужъ побѣжалъ въ свой кабинетъ за спиртомъ.

— Cher Федя! я виновата предъ тобою!—вскричала Раиса, когда Федоръ Игнатьичъ вернулся изъ кабинета.